

A hand holding a glowing stream of light. The hand is positioned at the bottom of the frame, with a stream of golden light falling from it. The background is dark with golden floral patterns. The text is in a stylized, golden font.

СВЕТ,
КОТОРЫЙ
ПЬЮТ

Макс Вейл

Свет, который пьют

«Автор»

2026

Вейл М.

Свет, который пьют / М. Вейл — «Автор», 2026

В Холлоуэлле учат не оборачиваться. Семнадцатилетняя Ада Морелл всю жизнь слышит то, что ещё не произошло, и эхо того, что давно прошло. Когда её приглашают в закрытую академию для одарённых, она надеется наконец понять природу своего дара. Вместо ответов её ждут исчезновения студентов, вырванные страницы из архивов и кошмары о чёрном озере, которое появляется в её снах снова и снова. Чем глубже Ада погружается в тайны Холлоуэлла, тем сильнее её притягивает Кассиан Вэр — загадочный старшекурсник, способный подавлять чужие способности. Но у Кассиана есть собственные секреты, и один из них связан с человеком, который исчез четыре года назад. В академии говорят, что некоторые легенды лучше не тревожить. Особенно легенду о том, кто приходит за теми, кто светит слишком ярко. О том, кто пьёт свет.

© Вейл М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Действующие лица	5
Пролог Озеро	6
Глава первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Свет, который пьют

«В Холлоуэлле учат не оборачиваться. Беда в том, что однажды придётся.»
из правил, которых нет в уставе

Действующие лица

Ада Морелл, 17 лет— слышит то, что ещё не случилось, и эхо того, что уже случилось. Светит ярче, чем умеет прятать.

Кассиан Вэр, старшекурсник— гасит чужой дар, сам себя глушит четыре года подряд. Дыра в шуме мира. Брат пропал.

Тея— соседка Ады, эмпат. Чувствует, у кого что болит. Носит чужую боль, как воду в горсти.

Феликс Дарн— скептик, измеряющий мир в формулах. Его дар — электромагнитные поля, и лампочки лопаются вокруг него в плохие дни.

Рен— наблюдатель. Молчит, читает на старом языке, помнит ходы, которых нет на картах.

Эли— мальчик с забинтованными запястьями и опасным неуправляемым даром.

Вивиан— старшекурсница с гладкой улыбкой и прибранной внутри комнатой, в которой никто не живёт.

Директриса Вейл— пепельная женщина, которая прятала вырванные страницы.

Прествик— смотритель. Сухой человек, который не говорит лишнего.

Тот, кто пьёт свет— вежливый человек в костюме столетней давности, с почти белыми глазами и очень большим терпением.

ПрологОзеро

Вода была тёплой, и это было первое, что неправильно.

Ада знала это озеро всю свою короткую жизнь — знала его утренний холод, его осеннюю свинцовую тяжесть, знала, что в октябре оно делается ледяным, как церковный камень, и кусает за щиколотки даже сквозь резиновые сапоги. Но сейчас оно лежало вокруг неё парным молоком. Чёрное сверху, светящееся снизу, будто кто-то опустил под воду фонарь и забыл его там навсегда.

Она опускалась. Не тонула — опускалась медленно, спокойно, перевернувшись на спину, как осенний лист, который уже отслужил своё дереву и теперь просто ложится туда, куда тянет. Где-то наверху осталась поверхность — серебряная плёнка с трещиной луны посередине, — и эта плёнка делалась всё дальше, всё мельче, пока не сжалась до маленькой светлой монетки над головой.

Аде было семь лет. В этом сне ей всегда семь. Сколько бы раз он ни приходил — а он приходил десять лет, почти каждую ночь, — возраст не менялся. Будто часть её так и осталась навсегда на дне этого озера, маленькой девочкой в ночной рубашке, и только эта часть умела сюда возвращаться.

— Ты опять пришла, — сказал Тео.

Он сидел на дне, поджав колени к подбородку, и был совсем как настоящий. Рыжая чёлка прилипла ко лбу. На запястье — браслет из лески и жестяных колечек от банок, который ему запрещала носить мама, говорила, что он порежется. Он не порезался. Он утонул. Но во сне браслет всё ещё был на нём, целый, и Тео всё ещё улыбался ей снизу вверх — доверчиво, требовательно, как улыбаются только младшие братья, которые уверены, что старшая сестра починит вообще всё на свете.

— Я не хотела, — сказала Ада. Голос под водой звучал глухо, будто из соседней комнаты через стену. — Тео, я никогда этого не хочу. Я не специально прихожу.

— Я знаю. — Он качнулся, и от его волос поднялась цепочка серебряных пузырьков. — Но ты слышишь. Ты всегда слышала лучше всех. Помнишь, как ты услышала бабушку за день до того, как ей стало плохо? И почтальона, который вёз похоронку соседям, ещё до того, как он свернул на нашу улицу? Ты всё слышишь заранее. Это не вина. Это просто слух.

— Это вина, — сказала Ада. — Потому что слышать — мало. Слышать и не успеть — хуже, чем не слышать вовсе.

В этом и была вся правда той ночи. Десять лет назад настоящая Ада проснулась в своей кровати за секунду до первого крика. Села, прижав одеяло к груди, и сказала вслух, ровно, в тёмную пустоту детской: «Тео в воде». Сказала так спокойно, будто сообщала, что завтра обещали дождь. И только спустя годы поняла, что услышала это не ушами. Что в тот миг до неё долетел зов — тонкий, отчаянный, захлёбывающийся, — и долетел он раньше, чем Тео успел позвать наяву. На один удар сердца раньше. На тот самый удар, которого хватило бы, чтобы добежать, если бы она поняла. Она не поняла. Она сидела и слушала, как далеко-далеко, у мостков, что-то тяжело плеснуло. А потом стало тихо.

— Тут кто-то есть, — сказал Тео и вдруг перестал улыбаться.

Свет под водой дрогнул.

— Где? — Ада повернулась в чёрной тёплой воде.

— Рядом со мной. Всё время. — Тео обхватил колени крепче, и в его голосе появилось что-то совсем не детское. — Он давно тут. Он не злой, Ада. В том-то и беда, что он не злой. Он терпеливый. Он сидит и ждёт, и иногда гладит меня по голове и говорит, что я ещё зелёный. А недавно он сказал, что знает твоё имя. Он сказал его так... так бережно. Как будто оно дорогое.

Свет под водой потускнел ещё на тон.

Ада обернулась туда, куда смотрел брат. На границе тьмы — там, где озеро переставало быть озером и становилось просто чернотой без дна и краёв, — стоял кто-то. Высокий. Очень прямой. Очень спокойный. Лица было не разглядеть, как ни всматривайся: там, где должно быть лицо, свет почему-то соскальзывал, не задерживаясь, будто черты не хотели запоминаться. Но Ада почувствовала, что этот кто-то смотрит на неё. Внимательно. Вежливо. И — голодно.

И от этого взгляда из неё начало уходить тепло. Не как от холода — холод приходит снаружи. Это уходило изнутри, из самой груди, словно кто-то нашёл там маленькую горящую точку, всегда тлеющую под рёбрами, и теперь медленно, аккуратно, почти ласково тянул её на себя, как тянут нитку из распускающегося свитера.

— Не смотри на него. — Голос Тео стал тонким, детским, испуганным, настоящим. — Ада. Ада, миленькая, проснись. Тебе нельзя его видеть. Если ты видишь его, значит, и он видит тебя, по-настоящему, а если он увидит тебя по-настоящему, он будет ждать уже не меня, он будет ждать —

Свет погас. Весь, целиком, как задутая свеча.

И Ада проснулась.

#

Не в озере. В поезде.

Вагон мерно качало, под полом стучали колёса, за окном проносилась мокрая чёрная страна — ни огонька, ни станции, только поля, по которым гулял дождь. В тёмном стекле отражалось её лицо: семнадцатилетнее, слишком бледное, с тёмными полукружьями под глазами — такими, какие бывают у людей, давно разучившихся спать просто так, без сторожевого края сознания, который всегда настороже, всегда слушает.

Сердце колотилось где-то под самым горлом. Ада сглотнула, заставила себя дышать ровнее — раз, два, на четыре счёта вдох, на четыре выдох, как учил школьный психолог, единственный взрослый, который не пытался её «вылечить», а просто научил дышать. Помогало плохо. Помогало хоть как-то.

Она подняла руку, чтобы отвести с лица прилипшую прядь, — и замерла.

Ладонь была мокрая. И не от пота. С кончиков пальцев, собираясь в маленькую дрожащую каплю, стекала вода — и Ада, поднеся руку ближе, почувствовала запах. Тину. Ил. Холодную ряску. Запах того самого озера за тысячу километров отсюда, к которому она не подходила десять лет и которое всё равно носила с собой повсюду, как родимое пятно.

Она быстро вытерла руку о джинсы. Оглянулась. Вагон был пуст — только в дальнем конце, под мигающей лампой, дремал кондуктор, уронив подбородок на грудь. Никто не видел. Никто никогда не видел; в этом было её спасение и её проклятие.

«Это просто сон, — сказала она себе мысленно, теми же словами, которыми говорила уже десять лет, словами, в которые давно не верила, но без которых не умела жить. — Очень яркий сон. Вода тебе примерещилась. Ты задремала, тебе приснилось озеро, ты вспотела, вот и всё. Никакой воды нет».

Но в чёрном оконном стекле, поверх её собственного отражения, ещё секунду стояло чужое спокойное лицо без черт. Оно смотрело на неё с той стороны стекла, из мокрой летящей темноты, и Аде показалось, что оно чуть склонило голову набок — приветливо, как старому знакомому.

А потом поезд с грохотом вошёл в тоннель, окно залила сплошная чернота, и отражение исчезло.

Ада сидела, сжав мокрые ладони между коленями, и смотрела в эту черноту, и слушала стук колёс, который вдруг стал похож на чьё-то терпеливое сердце.

Где-то впереди, в конце этой темноты, её ждала академия. Закрытое заведение для тех, у кого «редкие особенности развития» — так было написано в письме, которое пришло месяц назад, без обратного адреса, на плотной кремовой бумаге, и которое мама прочла, побледнела и почему-то расплакалась, а потом сказала только: «Может, там тебе будет легче. Может, там тебя поймут». И отвернулась к окну, и больше об этом они не говорили.

Ада не знала, хочет ли, чтобы её понимали. За семнадцать лет она привыкла, что понимание — это всегда первый шаг к тому, чтобы тебя начали бояться.

Поезд вышел из тоннеля. Дождь усилился.

Глава перв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.